

«1866 год» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: сцена созыва народного ополчения и ее социально-политические источники

**Юлия Игоревна
Красносельская**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

“1866” in Leo Tolstoy’s *War and Peace*: The Depiction of Militia Gathering in the Socio-Political Context of the 1860s

Yulia I. Krasnoselskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматриваются главы XXI–XXIII первой части третьего тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого, в которых описывается приезд в Москву императора Александра I в июле 1812 г. и его встречи с москвичами незадолго до Отечественной войны. В этих эпизодах Толстой не просто воспроизводит исторические события начала XIX века, но и образно воссоздает разные типы представительства, выражает свое к ним отношение. В эпизоде, описывающем приветствие императора народом в Кремле, можно видеть модель народного представительства совещательного типа, заставляющую вспомнить древнерусские Земские соборы, в то время как сцена встречи Александра с дворянством и купечеством в Слободском дворце моделирует уже законосовещательное представительство по западному образцу и на

Цитирование: *Красносельская Ю. И.* «1866 год» в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: сцена созыва народного ополчения и ее социально-политические источники // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 193–216.

Citation: *Krasnoselskaya Yu. I.* (2021) “1866” in Leo Tolstoy’s *War and Peace*: The Depiction of Militia Gathering in the Socio-Political Context of the 1860s. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 193–216.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.10.2.8

 This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

сословной основе. Интерес Толстого к политической проблематике такого рода был обусловлен спорами о конституции и общественном мнении в пореформенной российской прессе. В качестве непосредственных источников указанных сцен романа мы рассматриваем передовицы М. Н. Каткова в газете «Московские ведомости», посвященные покушению Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г., книгу Б. Н. Чичерина «О народном представительстве», также изданную в 1866 г., и работы славянофилов о характере взаимоотношений верховной власти и народа в допетровской и современной России.

Ключевые слова

Л. Н. Толстой, «Война и мир», представительство, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин, Д. В. Каракозов, славянофилы, Земский Собор

Abstract

In the paper, we examine chapters XXI–XXIII of *War and Peace* Book 3 Part 1, where Tolstoy depicts the preparations of the Russian nation to the war of 1812. He portrays the visit of Alexander I to Moscow and his meeting with people: first in the Kremlin, then in the Sloboda Palace, where nobles and merchants are gathered to define the conditions on which militia should be organized. The political problem stated in these chapters could be formulated as the problem of legitimacy of the supreme power, as well as of its relationship with the citizens. We claim that the Kremlin scene in chapter XXI shows an archaic scenario of power that could remind of the old Russian tradition of the Zemsky Sobor. The next two chapters represent a more modern and more western scenario of power in the form of the advisory assembly with estate representation. In our opinion, Tolstoy, while creating these episodes, was deeply impressed by publications on D. V. Karakozov's attempt on the life of Alexander II and by the Slavophiles' and Westernizers' (mainly B. N. Chicherin's) works on the Ancient Russian and Western models of popular representation.

Keywords

Leo Tolstoy, *War and Peace*, political representation, M. N. Katkov, B. N. Chicherin, D. V. Karakozov, Slavophiles, Zemsky Sobor

В письме А. А. Толстой от 14 ноября 1865 г. Толстой, демонстрируя свое равнодушие к политической публицистике М. Н. Каткова, утверждал: «[...] мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг-Голшт[ейн] или произнес речь в собрании земск[их] учреждений» [Толстой 1953б: 115]. Такое презрение ко злобе дня вроде бы хорошо подтверждает идею Б. М. Эйхенбаума о том, что в 1865 г. «Война и мир», над которой Толстой тогда работал, уже стала превращаться из политического романа в эпопею [Эйхенбаум 2009: 491–492]. Между тем тот факт, что Толстой перечисляет все самые обсуждаемые темы середины 1860-х гг.: и последствия польского восстания 1863 г., и австро-прусскую войну 1866 г., и открытие земских собраний в

1865 г., — подтверждает неплохую осведомленность в актуальных вопросах внешней и внутренней политики. Злободневная полемика национального (кто душит поляков?), внешнеполитического (чей Шлезвиг-Гольштейн?), представительного (кто произнес речь?) характера, как мы полагаем, не просто оказывается внешним фоном, на котором создается «Война и мир», но и используется в качестве сюжетного каркаса отдельных эпизодов романа, становясь тем конструктивным элементом текста, на который в процессе творческой обработки наносится философское, историческое и художественное «напыление». Конstellяцию разных пластов авторского сознания, один из которых отвечает за рецепцию современных событий, а другой — за художественное изображение, хорошо демонстрируют письма, в которых Толстой легко переключается со своей писательской работы на политику и обратно. Так, чуть позднее, в мае 1866 г., в письме А. А. Фету он сначала делится радостью от того, что работа над романом идет успешно, а затем переходит к покушению Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. и реакции на него публики и прессы (прежде всего того же Каткова):

Настоящие мои письма к вам это мой роман, которого я очень много написал. [...] Напишите, пожалуйста, свое мнение — откровенно. Я очень дорожу вашим мнением, но, как вам говорил, я столько положил труда, времени и того безумного авторского усилия (к[отор]ое вы знаете), так люблю свое писание, особенно будущее — 1812 год, к[отор]ым теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу, а рад осуждению. Н[а]п[ример], мнение Тургенева о том, что нельзя на 10 страницах описывать, как NN положила руку, мне очень помогло, и я надеюсь избежать этого греха в будущем. — Пожалуйста, скажите поправднее, т. е. порезче. Что вы говорите о 4-м апреле? Для меня это был *soup de grâse*. Последнее уважение или робость внутренне-го суда над толпой исчезла. Ведь это всенародно, с важностью, при звоне колоколов вся Россия, к[отор]ая слышна, делает глупости с какой-то радостью и гордостью, и ведь какие глупости! Глупости, к[отор]ыми я стыдил бы 3-х летне[го] Сережу. Осип Иван[ович] Комисаров член разных обществ, молебствие о том, что в царя стреляли, студенты у Иверской — сапоги в смятку, желуди говели.

А Катков-то ваш погиб. И погиб, знаете чем? Тем, что он осердился: *Il n'y a pas de bonne cause qui ne soit perdue dès qu'on se fâche*. А это особенно правда в литературе, даже в газетной, не говоря уж о нашей. Пушкин умел сердиться особенно. А сердиться в романе или в длинной статье, как вы иногда покушались, не годится [Толстой 1953б: 138].

В настоящей работе мы бы хотели показать, как воздействуют политические процессы и дебаты 1860-х гг. на нарративную организацию «Войны и мира», на примере эпизодов, описывающих приготовления москвичей к войне 1812 г. и созданных, скорее всего, в 1866 г. Даже если

обращение Толстого к теме Отечественной войны и придало его книге более «эпический» характер, писатель тем не менее продолжал переосмыслять в своей книге современные события и дискуссии. Как показала О. Е. Майорова, проанализировав изображение Москвы 1812 г. как «опустевшего улья», в «Войне и мире» очевиден отклик Толстого на злободневные дискуссии о русской нации и государственности, бывшие в центре внимания тогдашней прессы. Реагируя на статьи Каткова и И. С. Аксакова о польском восстании 1863 г., Толстой предлагает свое видение взаимоотношений народа и верховной власти перед лицом общей военной угрозы [Маიოrova 2010: 143–154]. Концепция Майоровой важна для нас не только потому, что встраивает «Войну и мир» в контекст публицистики 1860-х гг., но и потому, что затрагивает проблему политического представительства, о которой пойдет речь в нашей статье. Нам уже доводилось писать о том, что вопросы философии истории, поднимаемые преимущественно в двух последних томах и в эпилоге «Войны и мира», нужно рассматривать в том числе в контексте политических дискуссий XVIII–XIX вв. о принципах реальных и идеальных взаимоотношений народа и власти, о сути выборных процедур и конституционализма [Красносельская 2020]. Вопрос о том, какая сила движет народами, сопрягается у Толстого с вопросом о том, в какой степени и какими средствами сам народ движет историю. Интерес к проблеме народовластия и неполитическим формам манифестации народом своей воли отличал и тех мыслителей, которые были значимы для Толстого в эпоху его юности и учебы на юридическом факультете (прежде всего Руссо и Монтескье), и тех, которые попадают в его поле зрения позднее. Так, на рубеже 1850–1860-х гг., в преддверии создания «Войны и мира» и в период увлечения школьным делом, Толстой интенсивно читает труды ведущих европейских социологов, историков, философов, теоретиков права (Бокля, Маколея, Прудона, Риля и многих других), по-разному решавших вопрос о переносе воли граждан на ее политических лидеров и о социальных силах, которые определяют ход истории. Именно в это время Толстой констатирует, что «государство управляется народом, а не владыками» [Толстой 1936: 385]. В случае столь широких обобщений разговор о конкретных источниках политических высказываний писателя должен, конечно, вестись с осторожностью, поскольку эта мысль имела первостепенную значимость для самых разных направлений политической философии XIX столетия. В таких случаях соотносить толстовскую модель государственности и нации с другими авторитетными концепциями было бы уместнее, чем устанавливать прямую зависимость первой от какой-либо из последних. В других же случаях, мы полагаем, следует, напротив, конкретизировать

материал, исследуя, как и когда осуществляется трансфер «больших идей» в поле зрения писателя, как эти идеи приобретают для него живой и значимый смысл. В первую очередь это можно сделать за счет помещения толстовских размышлений и образов в контекст национальных, «локальных» политических дебатов, на которые он в самом деле реагировал. Так, в книге Майоровой было продемонстрировано, что «деимпериализация» Толстым идеи русской нации является в том числе и результатом рецепции им русской публицистики времен польского восстания. Мы же предлагаем с 1863 г. переключиться на события 1866 г., когда автор «Войны и мира» обращается к описанию 1812 г.

Нас будут занимать две сцены, описанные в первой части третьего тома (в шестой части романа — по его первой редакции, или в первой части четвертого тома — по первому его изданию): встреча императора Александра I с народом в Кремле (глава XXI) и собрание дворянства и купечества в Слободском дворце (главы XXII–XXIII). Интересующие нас главы уже в первой редакции были близки к окончательному варианту [Зайденшнур 1966: 59, 86–87; Толстой 1953а: 54–56; Толстой 1955: 87]. Как следует и из письма Фету, Толстой работал над изображением 1812 г. в 1866 г.: рукопись № 89, включавшая описание приезда императора в Москву, была закончена к осени, а дорабатывалась и готовилась к печати соответствующая часть романа в 1867 г. [Гусев 1957: 735; Толстой 1955: 77, 97, 108–115].

Эти главы позволяют Толстому отразить те сценарии взаимоотношений народа и власти, которые были особенно значимы для российского политического пространства 1860-х гг. и, кроме того, хорошо известны и интересны самому Толстому как помещику, общественному деятелю и человеку, часто общавшемуся в эти годы с главными идеологами различных направлений. В первое пореформенное десятилетие русские публицисты активно дискутируют о политических институтах и принципах межсословных отношений, которые были бы наиболее желательны или пригодны для России эпохи Великих реформ, тем самым пытаясь ускорить их внедрение в жизнь. Как писал К. Д. Кавелин еще в 1862 г. в брошюре «Дворянство и освобождение крестьян», «конституция — вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех устах и сердцах; о ней толкуется во всех кружках, в столицах и захолустьях, это теперь самая ходячая и любимая мысль высшего сословия» [Кавелин 1898: 136]. Представления публицистов и общественных деятелей о «конституции» могли быть очень неопределенными, но мысль о той или иной помощи самодержавию со стороны общества, содействии в административных, а то и политических делах после отмены крепостного права витала в

воздухе и в середине десятилетия обсуждалась уже на самом верху, в правительственных кругах и высшем обществе. В 1865–1866 гг., после открытия земских учреждений и до покушения Каракозова, русскими общественными и государственными деятелями разрабатывается ряд проектов, предусматривающих создание в России институтов общегосударственного представительства [Чернуха 1978: 45–67]. 1866 г. в этом смысле оказывается кульминационным: он и подмораживает представительные проекты, и в то же время провоцирует на (пере)осмысление теорий и практик политического представительства. С одной стороны, апрельское покушение на императора усилило реакцию, на время приглушив споры о том, возможны ли в российских условиях западные конституционные практики и органы, ограничивающие автократию. Покушение активизировало критику земских учреждений, в которых видели первый шаг к становлению в России центрального представительства. С другой стороны, выстрелом Каракозова подрывался центральный для русского самодержавия эпохи Александра II миф о любовной связи царя со своим народом [Уортман 2004: 159–163], проблематизировался сам институт абсолютной монархии, что заставляло даже консервативных публицистов вновь обосновывать принципы российской политической системы. Выражение «1866 год» вынесено в название нашей работы как раз потому, что оно аккумулирует комплекс политических вопросов, волновавших русское общество еще с предреформенной эпохи, но обострившихся в середине десятилетия вследствие каракозовского выстрела или синхронно с ним.

Итак, в тот момент, когда Толстой работает над изображением 1812 года в романе, в русском обществе чрезвычайно сильно ощущение кризиса легитимности власти в России. В настоящей работе мы впишем «Войну и мир» в контекст конституционных и представительных дискуссий, показав, как происходит «перекодировка» абстрактных вопросов из области науки права и философии истории в российский политический контекст и дальше — в запоминающиеся художественные образы, политические импликации которых могут исчезать из поля зрения читателя. Как мы полагаем, «посредником» между фундаментальными научными и философскими построениями европейских мыслителей, обращавшихся к проблеме народовластия и представительства, и нарративными решениями Толстого были политические построения русских западников и славянофилов, консерваторов и либералов. Европейским идеям требовалось национальное оформление, традиционная институциональная и культурная форма, благодаря которой они или остраивались, или, наоборот, закреплялись в общественном сознании. Такое оформление придавали им и русские публицисты, стремившиеся

в ситуации Великих реформ спроецировать общеевропейские теории на домашний контекст для ускорения практических преобразований, и писатели, стараниями которых эти идеи и конструкции становились частью национальной мифологии. Поэтому на интересующие нас эпизоды «Войны и мира» мы считаем нужным смотреть не просто как на толстовскую реплику в масштабных европейских дебатах о народе как творце истории, но прежде всего как на воссоздание в символической форме тех моделей взаимоотношений власти и общества, которые чаще всего популяризировались современной писателю русской прессой. Мы полагаем, что сцена в Кремле (глава XXI) иронически переосмысляет, во-первых, славянофильскую теорию Земского собора как места встречи царя и народа, а во-вторых — темы и идеи охранительной публицистики времен каракозовского покушения. В свою очередь, сцена в Слободском дворце (главы XXII–XXIII), о важности которой в свете проблемы представительства нам уже доводилось писать [Красносельская 2020], позволяет писателю с не меньшей иронией воссоздать модель законосовещательного представительства «западного» типа, причем в качестве одного из вероятных источников толстовских знаний о политическом институте такого рода мы рассмотрим книгу Б. Н. Чичерина «О народном представительстве», также вышедшую в 1866 г.

Центральным в интересующих нас главах «Войны и мира» является вопрос о том, в каких формах может осуществляться совещание царя со своим народом, кто может быть допущен до таких совещаний. Напомним вкратце их содержание. Сначала, в главе XXI, изображается приезд в Москву Александра I, на которого идет поглядеть Петя Ростов, мечтающий поступить в армию. Петя направляется в Кремль, где у Успенского собора его теснит собравшаяся поприветствовать государя толпа. По окончании службы в соборе государь возвращается во дворец и после обеда выходит на балкон, роняя кусок бисквита, за который начинается настоящая драка. В итоге Петя возвращается домой в восторге от увиденного, несмотря на то что и ему досталось в потасовке. В следующих двух главах действие переносится в Слободской дворец, куда для совещания с императором относительно организации ополчения (по сути же — рекрутского набора) призваны представители дворянства и купечества. Это собрание увидено глазами Пьера Безухова, который, вдохновленный идеями Руссо, надеется на то, что государь захочет выслушать мнение своих подданных, а не просто инструктировать их. Однако, когда Александр I входит в залу, всех охватывает такая же эйфория, которую испытал при виде царя и простой народ на Кремлевской площади. Дворяне соглашаются на самые грандиозные и невыгодные для них условия сбора ополчения, о чем жалеют уже на следующее утро.

В обоих эпизодах власть сталкивается с народом лицом к лицу, непосредственно, что производит огромное эмоциональное впечатление на тех, кто удостоился чести и радости созерцать императора или даже беседовать с ним. Однако стремление власти пойти навстречу народу, как бы буквально преодолев ту символическую дистанцию, которая отделяет поставленного Богом самодержца от его подданных, может свидетельствовать и о слабости, нестабильности монархии. Напомним, что встречи Александра с представителями различных сословий происходят в тот момент, когда Наполеон открывает военную кампанию против России. Исторический визит Александра I в Москву был задуман не только для реализации прагматических военных задач, но и для того, чтобы продемонстрировать общность судеб представителей власти и граждан перед лицом общего врага, чтобы оживить в народной памяти те национальные мифы, которые строились на идее крепкого союза царя с народом — главным образом, мифологию 1612–1613 гг. (о символическом обрамлении этого визита см.: [Концепт отечество 2012; Зорин 2001; Уортман 2002: 286–308; Wortman 2012]). Хотя внутренне Александр совершенно не был готов к признанию народа в качестве политического субъекта, в виду нашествия наполеоновской армии та пропасть, которая разделяла императорскую власть и народ со времен Петра I, должна была исчезнуть по крайней мере церемониально. Царь в этот момент должен стать для народа своим, чтобы рассчитывать на то, что тот поможет армии, на готовность нации не просто отстаивать русскую государственность, но и подтвердить верность той династии, которая нацией управляет.

Главы «Войны и мира», воссоздающие этот момент консолидации власти и общества, имеют непосредственные исторические и литературные источники: сам Толстой уверял, что при создании этих сцен строго следовал мемуарам С. Н. Глинки. Однако у Глинки, например, отсутствовала сцена с бисквитом, что Толстой позднее отказывался признавать. Таким образом, вольно или невольно писатель корректировал источники, а кроме того, использовал те примеры, которые позволяли провести параллели между 1812 г. и 1860-ми гг. (что особенно заметно в черновых редакциях романа). Кроме того, сцены сбора народного ополчения представляют собой, так сказать, культурную мифологию в квадрате: богатый символический потенциал сцены приезда Александра в Москву основывается и на том, что она отсылала и к предшествующим событиям русской истории (главным образом, к Смутному времени), и к более поздним событиям и текстам. Эта сцена заставляет вспомнить и об исторических и художественных нарративах, при помощи которых оформлялась официальная идеология николаевской эпохи

(о теме Смутного времени в исторической драматургии 1830-х гг. см., например: [Вацуро 2000; Киселева 1997; Серман 1969]), и о суждениях прессы, прежде всего охранительной, 1860-х гг. о польской интриге, нигилистах и противодействии этим враждебным России силам. Как мы полагаем, публикации времен каракозовского покушения, вызывая у Толстого буквальное раздражение, становятся стимулом для «раздражения» его творческого воображения, заставляя в «Войне и мире» на примерах из русской истории проблематизировать миф о неразрывных связях русского монарха с народом.

Напомним, как реагирует Толстой на события 4 апреля 1866 г. Хотя покушение не могло вызвать у него положительных эмоций, его едва ли не больше сердят те патриотические восторги, которые последовали за чудесным спасением императора. Хотя Толстой говорит об общероссийской истерии, указание на московский эпизод празднований (о «студентах у Иверской» см.: [Майорова 1999]) и последующие рассуждения о рассердившемся Каткове дают основания полагать, что запомнились писателю прежде всего публикации «Московских ведомостей»¹. В самом деле, Катков умело воспользовался произошедшим для того, чтобы обосновать свою ключевую политическую мысль, что «государственный смысл» русского народа состоит в защите сильной самодержавной власти. Описание эмоциональной реакции москвичей на промах Каракозова используется им и для сведения счетов с

¹ Сцена в Кремле может быть встроена и в более широкий контекст. Ее можно рассматривать и в свете публикаций, описывавших поведение Александра II сразу после покушения, — ср., например, фрагмент частного письма, опубликованного в «Московских ведомостях» 16 апреля 1866 г.: «Услышав это [что все направляются в Казанский собор, где молится государь. — Ю. К.], и я поспешил в Собор. [...] Когда дьякон произнес слова: “преклонше колена”, вся масса людей, наполнявших церковь, все бывшие на ступенях у церкви и теснившиеся на площади упали на колена, тысячи рук поднялись, чтобы осенить себя крестным знаменем, и потом тысячи голосов присоединились к церковному пению. Я прислонился к колонне у входа, далее пройти было невозможно; все это я видел точно во сне и плакал навзрыд. При выходе Императорской фамилии из церкви раздались иступленные крики ура! и вся масса ринулась вслед за придворными экипажами. [...] Я прибыл на площадь перед Зимним дворцом. Тут происходила овация, которой не предвиделось конца; [...] большая часть народа оставалась на площади до 5–6 часов утра, окружая дворец со всех сторон, как бы составляя почетную его стражу. Государь несколько раз выходил на балкон благодарить народ» [Московские ведомости 1866]. Кроме того, эту сцену можно рассматривать в контексте церемониальных практик общения русских императоров с жителями древней столицы, причем особую значимость приобретает фигура Николая I, во время коронации символически продемонстрировавшего свою связь с народом через трехкратный поклон ему [Уортман 2002: 369–385, 516–527]. Происходившее в Москве весной 1866 г. не было чем-то уникальным или совершенно стихийным; но описание московских событий, как мы покажем ниже, во многом определялось культурной мифологией, которая придавала особую значимость происходившему в Москве.

политическими противниками — не только с радикалами, но и с более умеренными либеральными силами, настаивающими на необходимости развития в России представительных традиций и практик.

В первой половине 1860-х гг. Катков и сам принадлежал к числу сторонников внедрения в России местного самоуправления, которое потенциально могло способствовать созданию политического представительства в английском духе. По его мнению, русские сословия должны были преобразоваться в политические классы, причем наибольшую влияние должен был приобрести класс крупных собственников-землевладельцев. Катков приветствовал земскую реформу и рассуждал об общественном мнении как русском варианте народного представительства. Однако вследствие польского восстания он начнет обосновывать уже иную конфигурацию российской власти, не оставляющую места для политического представительства. Согласно «зрелому» Каткову, самодержавная власть по природе своей не может идти против интересов русского народа, не может не выражать его голоса, поскольку эта власть — русская, т. е. как бы имманентная самому народу. Власть у Каткова обладает поистине фантастическим чутьем и всеведением, не нуждаясь ни в каких посредниках между собой и народом, ни в каком договоре или контракте с народом для того, чтобы уяснить себе общую волю. В сильной центральной власти народ видит гарантию могущества и благосостояния русского государства, а потому в свою очередь не может не подчиняться ей беспрекословно (о политической позиции Каткова в разные годы см., например: [Китаев 1972, Твардовская 1978, Fusso 2017, Maiorova 2010]).

Соответственно, торжества по поводу спасения Александра II от гибели описываются Катковым не столько как импульсивное выражение чувств подданных, сколько как своего рода политическая акция, публичное проговаривание народом принципов своего неписаного, незафиксированного в «конституции», но тем не менее живущего в умах и сердцах основного закона. Спасение царя равнозначно спасению России. Закрепить, упрочить в сознании граждан эту идею, сплотить их посредством ее помогает ее ритуализация, осмысление злободневного события в религиозных формах, требующих коллективного участия и единообразного поведения. Вот как описывается в передовице «Московских ведомостей» от 6 апреля 1866 г. за № 71 благодарственное молебствие в Кремле:

Весть о происшедшем не успела еще облететь город, когда раздался призыв церковного благовеста. [...] Благодарственная песнь раздалась при звоне колоколов. Тысячи народа пали на колени и склонили голову перед благим Промыслом, спасшим Государя для счастья и славы отечества. [...]

Молебствие кончилось, но народ не разошелся, а густыми массами хлынул на Красную площадь. Часовня Иверской Божией Матери была окружена несметными толпами, беспрерывно прибывавшими, беспрерывно наполнялась молящимися. Громкие ликования слышались на улицах. Люди самых разнообразных общественных положений, никогда не встречавшиеся между собою, сходились как старые знакомые, как давние друзья. Громче и чаще всего слышалось в народе восклицание: «Он не Русский, он не может быть Русский». До темных сумерек оживленные толпы народа наполняли площадь присутственных мест [Катков 1897: 199–200; здесь и далее курсив дается по источнику, если не указано иное. — Ю. К.].

Сплоченность жителей Москвы тем значимее для сохранения общероссийского порядка, что именно в этом первопрестольном городе, по словам Каткова, особенно сильно «бьется пульс» государственной и народной жизни. Москва — это центр, где настоящее сходится с прошлым и где объединяются российские регионы: «Как будто вся историческая жизнь России сосредоточилась в этом моменте, как будто вся громадная Россия собралась теперь в Москве» (12 апреля 1866 г., № 76, передовая) [Катков 1897: 209, 282]. Сходным образом самодержавная власть есть сила, исторически обеспечивающая консолидацию русских земель и русских людей в единое государственное целое. Поэтому сообщение о готовящемся приезде государя в свою «старую верную столицу, которая вся исполнена теперь мыслью о Нем» [Ibid.: 209] приобретает особый идеологический смысл. Высочайший визит — это не просто дань признательности подданным, но и способ подновить исторический миф об органичности самодержавной власти народу. Как и в 1812 г., такой миф может быть разыгран только в старой столице, а не в Петербурге. Описывая состоявшийся в июле высочайший визит, Катков рассуждает о плодотворности «непосредственных соприкосновений верховной власти с народною жизнью», подчеркивая их значимость в контексте возможных будущих испытаний и внешних вызовов:

Наступит година этих испытаний, и тогда обнаружится, что значат эти минуты и что они оставляют после себя. И поневоле верится, что накануне событий, которые быть может призовут наше отечество к совершению его судеб, Провидение хотело еще раз собрать весь русский народ в торжественном чувстве, которое никогда не обнаруживалось с такою всеобъемлющей и глубокою силой, как в это последнее время, после опасности, так коварно подкравшейся к самой дорогой для России жизни. Опасностью Государя как бы искупалось спасение государства. Удар, грозивший Государю, был занесен над Россией; но враги, замышлявшие этот удар, не могли, конечно, предвидеть, что им суждено послужить к новому великому возбуждению народного духа в России, лучше всего приготавлиющему ее ко встрече каких бы то ни было испытаний (3 июля 1866 г., №138, передовая) [Катков 1897: 282].

Политический кризис осмысляется Катковым при помощи культурной мифологии, позволяющей укрепить веру в то, что Россия преодолеет любое испытание благодаря божественному промыслу и крепким связям царя с народом: так, он обращает внимание на то, что «спаситель» царя О. И. Комиссаров оказался «земляком славного Сусанина», и описывает, с каким воодушевлением московская публика слушала 5 апреля оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя» (6 апреля 1866 г., № 71, передовая) [Катков 1897: 200]. При этом, как справедливо замечает Уортман, такого рода построения способствовали не только подтверждению, но и формализации сценария любви [Уортман 2004: 162]; так и возмущение Толстого вызвало прежде всего то «сусальное» обрамление, которое придано у Каткова рассказу о смятении и радости москвичей. Колокола, молебны на площади, братания и сплоченность перед внешним врагом, который «не может быть русским», кажутся перешедшими в передовицы Каткова из патриотической литературы, посвященной роковым моментам русской истории, вроде знаменитой драмы Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (о «реактивации» культурной мифологии 1612–1613 гг. после каракозовского покушения см.: [Майорова 1999; Уортман 2004: 160–161]). Как мы полагаем, этот контекст не в меньшей степени, чем собственно исторический контекст 1812 г., определил колорит и политический подтекст кремлевской сцены в «Воине и мире», в которой народ встречается с царем-батюшкой под звон колоколов и выражает коллективное умиление и готовность верно служить государю²:

На всех лицах было одно общее выражение умиления и восторга. Одна купчиха, стоявшая подле Пети, рыдала, и слезы текли у нее из глаз.

— Отец, ангел, батюшка! — приговаривала она, отирая пальцем слезы.

— Ура! — кричали со всех сторон [Толстой 1980: 94].

В то же время эта сцена проникнута нескрываемым сарказмом относительно общенародного «единения»: царь не видит ни Пети, ни других участников собрания, а они в свою очередь готовы раздавить друг друга в погоне за куском царского бисквита и заинтересованы прежде всего зрелищной стороной церемониала: бросаются то туда, где стреляют пушки, то туда, где проходит государь, и быстро расходятся после того, как тот уходит. Помимо искусственной оболочки официальных торжеств, Толстому, как мы полагаем, должен был казаться неприемлемым и тот сценарий власти, который был скрыт под этой оболочкой.

² Мы полагаем, что и сцена несостоявшегося покушения Пьера на Наполеона отчасти вызвана к жизни каракозовским покушением, но этот сюжет требует отдельного рассмотрения.

При всей лояльности писателя правящему режиму в 1860-е гг. он уже в первой редакции третьего (изначально четвертого) тома высказывает мысль о том, что царь есть раб истории (см. рукопись № 89 в: [Толстой 1953а: 13]). Катковская теория, согласно которой самодержавный государь является источником силы народа и его руководителем, в «Войне и мире» отвергается как нелепая. Ведущую роль в победе над Наполеоном играет не император, а тот самый народ, который так глупо и бездумно ведет себя на площади. Как бы иронично ни была подана встреча царя и народа в Кремле, именно этот народ возьмет «дубину народной войны» и спасет Отечество. Петя Ростов, зачем-то дерущийся со старушкой за царский бисквит, в итоге жертвует своей жизнью на благо родины. Власть лишь воплощает народные стремления и настроения, но не определяет их [Красносельская 2020]. Таким образом, кремлевский эпизод оказывается очень сложно устроенным, не сводимым, разумеется, к сатирическому обыгрыванию мотивов современной консервативной прессы. Но то сложное решение проблемы взаимоотношений народа и власти, которое находит Толстой, также было отчасти, на наш взгляд, обусловлено современной публицистикой, но только уже не охранительного направления.

Как уже говорилось, в 1866 г. вышла книга Чичерина «О народном представительстве». Сам автор был убежден, что впервые в истории русского права описал все известные формы представительства. Хотя в 1860-е гг. общение Толстого с Чичериным уже не носило столь близкого характера, как в конце 1850-х гг., книга эта попала в поле зрения писателя. Она имеется в библиотеке Толстого и содержит множество помет, хотя и не все ее страницы разрезаны [Библиотека 1975: 448–450]. Вполне возможно, что Толстой читал ее уже вскоре после выхода, работая над «Войной и миром»: Чичерин имел обыкновение присылать ему свои вновь выходящие труды, не говоря о том, что в 1866 г. им доводилось встречаться [Толстой 1953б: 132]. Как мы полагаем, чичеринская книга стала еще одним стимулом к размышлениям Толстого в «Войне и мире» о видах народного представительства. В частности, при создании сцены в Кремле и в Слободском дворце ему могли пригодиться главы чичеринского труда «Земские соборы в России», «Совещательные собрания» и «Сословные собрания». Заглавия первых двух подчеркнуты в толстовском экземпляре книги.

Совещательные собрания описываются Чичериным как низшая форма представительства: это не постоянные учреждения, а «временные пособия правительству», скорее выражающие общественную мысль, чем представляющие реальную политическую силу [Чичерин 1866: 96–99]. Постановления таких собраний не имеют обязательной

силы, вследствие чего правительство может игнорировать их решения, а обиженные члены совещательных органов в отместку нередко уходят с головой в пустопорожнюю критику властей. Поэтому Чичерин описывает совещательные собрания как отживающую модель, которая в развитом государстве должна уступить место политическому представительству в форме выборного законодательного органа. К устарелым законосовещательным формам Чичерин относит и русский Земский собор, который, напомним, собирался в наиболее судьбоносные для страны моменты истории. Однако, по мнению Чичерина, этот институт установился сверху, по воле государства, а не народа. Даже избрание на царство Михаила Романова после изгнания народным ополчением поляков в 1613 г. было не осознанным выбором русской землей своего политического лидера, а скорее «угадыванием» Божьего изволения. Другие соборы и вовсе не были всенародными, часто составлялись не из выборных от всего государства, а лишь из московских чинов: «Москва заменяет собою государство, точно так же, как крик народа, собранного на площади, выдается за голос всей земли» [Ibid.: 371]. Русский народ мыслит свою роль прежде всего как обязанность, подчинение, так что по окончании Смутного времени, когда необходимость в живом содействии власти со стороны граждан снизилась, земля «снова улеглась у ног самодержавного государя» [Ibid.: 378]. Поэтому политическая свобода в современной России и настоящее представительство, при котором «государство и общество проникают друг друга» [Ibid.: 386], зная свои границы, кажутся ученому делом отдаленного будущего. Всесословное представительство в настоящее время невозможно также за неимением общих интересов у бывших рабов и их владельцев.

Таким образом, несмотря на научную форму, мысли Чичерина получают злободневную политическую направленность. Его суждения о русских и западных совещательных институтах могут быть спроецированы на пореформенные дебаты о той институциональной форме, в которой могло бы быть осуществлено представительство в России, и о принципах отбора граждан, которые получили бы право избирать и быть избираемыми в представительные органы. Как мы видели, Чичерин третирует законосовещательные собрания как малоэффективные в сравнении с законодательными, однако, в силу лояльности самодержавию почти всех общественных сил 1860-х гг., проекты совещательных институтов были более популярными и реалистичными. Так, буквально накануне 4 апреля великий князь Константин Николаевич пытается добиться утверждения проекта, предусматривающего создание «при Государственном совете двух “съездов” — земского и дворянского». Их члены высказывали бы «пожелания, которые рассматривались бы

затем правительством» [Чернуха 1978: 56–58]. Об умеренности этого проекта свидетельствуют не только его предполагаемые функции, но и строгий отбор участников съездов (земцы и/или дворяне). Даже Чичерин, не жаловавший русскую аристократию и сословные собрания (им посвящена особая глава в его книге), в статье 1862 г. «Русское дворянство» констатировал, что сознание прав и долга, необходимое для полноценного политического представительства, развито пока только в дворянском сословии: «В нем одном есть зародыши политической жизни» [Чичерин 1862: 90]. Консервативно настроенные общественные деятели и публицисты (например, представители так называемой «аристократической оппозиции» реформам) тем паче признавали, что дворянство — наиболее подходящий кандидат на представительство интересов нации, а через дарование ему политических прав правительство сможет компенсировать его имущественные потери в ходе крестьянской реформы.

Дворянское представительство, впрочем, могло вызывать понятное недоверие как не выражающее интересов всего русского народа, тем более что даже в «смешанных» собраниях полного равноправия и взаимного уважения достичь было непросто. Глава славянофильской партии И. С. Аксаков в 1864 г. скептически отзывался об участии крестьян в земских собраниях, сам регламент проведения которых мог, по его мнению, «обессилить народную духовную силу»:

[...] вырвите из *мира* нескольких мужиков, приведите их в великолепную залу с зажженными люстрами, вроде нынешней Шереметевской или Думской, — посадите их между дворянами на обитые сафьяном стулья, заставьте слушать «ораторов» дворянских (без сомнения, у нас на всех земских собраниях явятся тотчас свои домашние Цицероны, у которых теперь уже заранее беспокоится и ворочается язык), — и вы едва ли не обессилите народную духовную силу. Вы не узнаете мужиков — умных, горластых у себя на миру — и безмолвных, может даже робких в зале собрания, частью не понимающих не порядков *поставления вопросов*, ни самого изложения докладов, ни цицероновского красноречия членов (может быть даже со ссылками на Маколея) — частью же сознающих, что пожалуй могли бы и они вернуть свое словцо, да словцо-то это их мужицкое, негладкое, нетесанное, будет в разладе с общим строем дворянской речи, — да и председатель, пожалуй, скажет: «вы, г. член, уклонились от вопроса» (День, 20 июня 1864 г., «Чего можно ожидать от земства в современных условиях?») [Аксаков И. 1887: 282–283].

Подчеркивая отчужденность верховной власти и дворянства от народа со времен Петра, славянофилы противопоставляли современному квазипредставительству подлинно народное, существовавшее некогда на Руси в форме описанных выше Земских соборов. Очевидно, что

суждения Чичерина о Земском соборе имели антиславянофильскую направленность, хотя в пореформенной России идея проведения нового собора или Земской думы была популярна в самых разных кругах: к ней обращались и народovolьцы, и представители «аристократической оппозиции», и члены различных политических партий начала XX в., выстраивая на исторической основе разные модели законосовещательного или законодательного представительства, которые, по их мнению, могли быть реализуемы в современной России. Однако прежде всего идея собора заставляет вспомнить именно славянофилов во главе с К. С. Аксаковым, во многом с подачи которого этот термин и закрепился в науке и публицистике [Архипова 2008; Бадалян 2019; Майорова 1999]. Земский собор в трактовке славянофилов был идеальным представительным институтом прошлого, соответствующим самому духу русского народа, однако парадоксальным образом не восстановимым в современности. Главным его достоинством славянофилы считали то, в чем Чичерин видел его главный недостаток, а именно законосовещательный характер. Согласно славянофилам, русский народ вследствие своих христианских убеждений не желает принимать участие в управлении государством и предпочитает довольствоваться выражением своего мнения, доведением его до власти, что и позволяют осуществить всесословные, нерегулярные законосовещательные институты и практики — в виде не только собора, но и вече, совета дружины, сельских выборов:

[...] Государство никогда у нас не обольщало собою народа, не пленяло народной мечты; вот почему, хотя и были случаи, не хотел народ наш облечься в государственную власть (в республику), а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному Государю, сам желая держаться своих внутренних, жизненных начал. Вот почему и Государство наше никогда не боялось народа, но часто и всегда само призывало его на совет. Запад — совершенная противоположность. [...] Республика есть попытка народа быть самому Государем, перейти ему всему в Государство; следовательно, попытка бросить совершенно нравственный свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внешний, государственный [Аксаков К. 1889: 61].

Но в настоящее время, когда представителей разных сословий связывает скорее вражда, чем общие интересы (в осознании этого были единомышленны, как мы видим, почти все публицисты), собор был бы бессмысленен; его современным аналогом может быть не парламент и не конституция, а выражаемое свободной прессой общественное мнение — по сути, самый мягкий, неполитический вариант представительства.

Как мы полагаем, сцены в Кремле и в Слободском дворце позволили Толстому в художественной форме отобразить две наиболее популярные и обсуждаемые его современниками модели представительства —

общенародную славянофильскую, представленную Земским собором и общественным мнением, и западническую, в виде совещательного собрания на сословной основе. Зеркальность этих сцен в романе, их смежность и внутренняя сопряженность позволяют видеть в них целостную картину возможных вариантов «представительства по-русски», а время создания этих эпизодов подтверждает их политическую заряженность. В середине 1860-х гг. Толстой общается не только с Чичериным, но и с его идейными противниками: он сближается со славянофильским кругом, встречаясь в Москве с И. С. Аксаковым, М. П. Погодиным, С. С. Урусовым, Ю. Ф. Самариним и обсуждая с ними свой роман. При этом его неизменную иронию вызывает та архаическая образность, при помощи которой оформляется славянофильское мироощущение. Узнав о женитьбе И. С. Аксакова на А. Ф. Тютчевой, Толстой в письме А. А. Толстой 26–27 ноября 1865 г. рассуждает о трагикомическом характере подобного идеологического альянса:

Во-первых, брак (не брак, а это надо назвать как-нибудь иначе, надо приискать или придумать слово), пока — брак А. Тютчевой с Аксаковым поразил меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а, может быть, родится существо среднего рода — воззвание или т. п. —

Как их будут венчать? и где? В скиту? в Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке. Нет, без шуток, что-то неприятное, противуестественное и жалкое представляется для меня в этом сочетании. Я люблю Аксакова. Его порок и несчастье — гордость, гордость (как и всегда), основанная на отрешении от жизни, на умственных спекуляциях. Но он еще был живой человек. Я помню, прошлого года он пришел ко мне и неожиданно застал нас за чайным столом с моими *belles soeurs*. Он покраснел. Я очень был рад этому. Человек, который краснеет, может любить, а человек, который может любить, — все может. [...] Я ему сказал: «Женитесь. Не в обиду вам будь сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет открывается женатому». Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица: а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах еще хуже. Посмотрите, что какая-нибудь страшная нравственная *monstruosité* выйдет из этого брака [Толстой 1953б: 120–121].

Итак, Толстого раздражают в славянофилах политические и религиозные спекуляции, вследствие которых живое содержание их миро-

ощущения подменяется идеологией с псевдонародной, выхолощенной формой в виде условных «мурмолок». В кремлевской сцене «Войны и мира», как мы видели, также остраивается и форма, и идеология народных празднеств. Изображенная в главе XXI встреча русского царя с народом, происходящая в самом сердце древней столицы под звон колоколов в судьбоносный для страны момент, когда, как сказал бы И. С. Аксаков, «опасность касается бытия» [Аксаков И. 1887: 265], заставляет вспомнить не только московские торжества по следам 4 апреля 1866 г., но и традицию Земских соборов, которая, как мы показали, должна была в той или иной степени восстанавливаться и в памяти читателя «Московских ведомостей» благодаря разнообразным текстам-посредникам³. Показательно, что спасший Петю из давки дьячок, разговаривая с чиновником о том, кто служит нынче с преосвященным, «несколько раз повторял слово *соборне*» [Толстой 1980: 96]. Хотя это наречие буквально описывает характер проведения церковной службы, в русском журнальном контексте оно было маркировано как славянофильское: как известно, соборность, наряду с общинностью, была тем китом, на котором покоились представления этого лагеря об образе жизни и мироощущении русского народа. Соборность религиозная корреспондирует с присущей Земским соборам социальной всеословностью; так и изображенная Толстым толпа являет собой очень пестрое в социальном смысле образование: на площади сходятся и барчук Петя, и лакей, и купчиха, и дьячок — т. е. по сути все представители русского общества, объединившиеся в чувстве патриотического восторга. Однако Толстой вполне солидарен с Чичериным в том, что толпа на площади скорее издает крики, чем «консультирует» власть или реально совещается с ней.

И все же, как уже отмечалось, смысловой потенциал этой сцены не исчерпывается той мыслью, что массовые собрания хаотичны и лишены общественного значения. Подобно тому, как за умствованиями И. С. Аксакова Толстой был готов разглядеть что-то подлинно живое, трогательное и человеческое, так и за общественно-политической утопией славянофилов, их исторической мифологией и верой в общественное мнение он был готов видеть здоровое зерно, отдавая должное тому сценарию власти, который они отстаивали. Тесное общение Толстого со славянофилами в период разработки философии истории «Войны и мира» и его позднейшие высказывания о Земском соборе подтверждают, что он разделял и считал чрезвычайно важной высказываемую ими идею о том, что именно народ является источником власти и создателем

³ Хотя «энтузиазм Каткова в защите идеи представительства остыл уже к концу 1863 г.» [Твардовская 1978: 36].

русской государственности, передоверившим правление специальным лицам (варягам, царю, правительству) для того, чтобы не загрязнять свою совесть участием в политике [Kolstø 2005; Красносельская 2019]. Как писал Ю. Ф. Самарин, «правительство есть одна из форм, служащих выражением народной жизни» [Самарин 1997: 59]. В неотправленном письме от 10 января 1867 г. Толстой назовет Самарина самым близким себе «в мире нравственном — умственном» человеком, осуждая его в то же время за озабоченность злободневными общественно-политическими вопросами типа земского [Толстой 1953б: 156–158]. Сходным образом «Война и мир» отчетливо демонстрирует, что при всей бессмысленности народных манифестаций, при всей глухоте власти к «общественному мнению», представленному случайными зеваками, народ является подлинно движущей силой истории, обеспечивающей в итоге сохранность русской власти и русской государственности, но оформляющей свои цели и действия неполитически.

Сцена в Слободском дворце, которой Толстой, по собственному признанию, очень дорожил [Толстой 1953б: 190], позволяет отрефлексировать сходный по сути — законосовещательный, — но контрастный по форме и составу участников сценарий власти в форме сословного представительства при самодержавии. Еще до открытия собрания во дворце Пьер обращает внимание на то, что в воззвании государя к Москве говорилось о готовности прибыть «для совещания и руководства всеми нашими ополчениями» [Idem 1980: 91]. Пьера поражает непривычная для русского авторитаризма готовность «совещаться» с кем бы то ни было. Эпоха вече и Земских соборов осталась в прошлом, и для воспитанного за границей Пьера идея такого совещания ассоциируется скорее с европейской политической мыслью, с идеей народного суверенитета в духе Руссо. В Слободском дворце он берет на себя смелость заявить, что «государь был бы сам недоволен, ежели бы он нашел в нас только владельцев мужиков, которых мы отдаем ему, и... *chair à canon*, которую мы из себя делаем, но не нашел бы в нас со... со... совета» [Ibid.: 100]. Если формат встречи царя с народом в Кремле предполагает прежде всего эмоциональное и церемониальное единение и не оставляет возможности для серьезного разговора по существу, то собрание с участием представителей более образованных сословий, дворянства и купечества, теоретически позволяет участникам формулировать конкретные вопросы к верховной власти, вступать с ней в дискуссию. Тем не менее реального совещания во дворце, как и на площади, не происходит — недаром Пьер едва находит в себе силы выговорить слово «совет». Более того, собравшиеся в Слободском дворце дворяне не могут быть названы народными представителями, ибо совещаются по

поводу того, сколько мужиков отдать на нужды армии. Народ для них не избиратель, не политический субъект, а их собственность, это они направляют на него свою волю, жертвуя ополченцев, а не наоборот. Перед нами совещательное собрание на сословной основе, члены которого не представляют народ и не способны повлиять на решения верховной власти. Как писал Чичерин, юридический смысл совещательных собраний не определен, поэтому они, подобно народным собраниям на площади, имеют скорее статус силы нравственной.

Но хотя дворяне в Слободском дворце действуют так же стихийно, как и народ в Кремле, они также способны влиять на ход истории. Хотя вся сила политической власти сосредоточена в руках государя и его помощников (отсюда честолюбивые помыслы князя Андрея добиться успеха Сперанского или Чарторыйского), реальной властью обладают все-таки не они. В победу над Наполеоном вносят вклад не только крестьяне, но и Ростовы, Пьер и, очевидно, другие участники собрания в Слободском дворце. Сфера же политики так и остается сферой *формального*, а потому «протопредставительные» институты описаны у Толстого прежде всего через их церемониальную, внешнюю, даже «лубочную» сторону.

Известно, что позднее, в «Анне Карениной», Толстой создаст образ Сергея Ивановича Кознышева «из сочетания Чичерина с Юрием Самаринным» [Эйхенбаум 2009: 371], т. е. путем причудливого соединения западных и славянофильских идей. Такой принцип работы, по мнению Эйхенбаума, вообще типичен для Толстого, стремившегося не к систематичности, но к самостоятельности суждений [Ibid.: 361–363]. Сходный тип рецепции разнообразных политических идей мы обнаруживаем и в рассмотренных эпизодах «Войны и мира». Так, чичеринское недоверие к совещательному правлению соединяется у Толстого со славянофильской верой в то, что народ определяет контуры власти, даже если прямо не участвует в государственном управлении. Скептически относясь к мнениям современников об общественных и политических каналах коммуникации верховной власти и нации, Толстой в то же время активно использует, переосмысляет их ключевые идеи и концепты (конституции, Земского собора и т. д.), выстраивая на их основе и яркие сюжетные решения, и собственную философию истории и теорию права.

Судя по всему, этот злободневный подтекст романа был воспринят современниками. И Н. С. Лесков, увидевший в «Войне и мире» выраженные мысли Монтескье, что «всякое правительство впору своему народу» [Лесков 1958: 147], и П. В. Анненков, обративший внимание на современность скептицизма князя Андрея относительно правительственных

мер и явлений [Анненков 1879: 385–386], близко подошли, при всей кажущейся противоположности их суждений, к пониманию толстовской мысли. Наперекор катковской агитации Толстой описал процесс поиска русским обществом более осмысленных оснований для признания власти «своей», чем через ее априорную богоданность; он показал, что власть делается «своей» постольку, поскольку соответствует ожиданиям самого народа (подобно тому, как Александр I в 1812 г. вынужден назначить Кутузова главнокомандующим вопреки своей нелюбви к нему); он, наконец, вполне в духе 1860-х гг., продемонстрировал, что поиски нацией объединяющего ее начала могут принимать политические и квазиполитические формы — и при всем недоверии к ним смог хорошо воссоздать процесс «институционализации» русского общественного самосознания.

Библиография

Источники

Аксаков И. 1887

Сочинения И. С. Аксакова. Т.5. Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886, Москва, 1887.

Аксаков К. 1889

Аксаков К. С., Несколько слов о русской истории, возбужденных историею г. Соловьева. По поводу I тома, *Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1. Сочинения исторические*, Москва, 1889, 44–62.

Анненков 1879

Анненков П. В., Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир», *Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова. 1849–1868 гг. Отдел второй*, С.-Петербург, 1879, 364–386.

Библиотека 1975

Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. Т. I: Книги на русском языке, 2, Москва, 1975.

Кавелин 1898

Кавелин К. Д., Дворянство и освобождение крестьян, *Собрание сочинений К. Д. Кавелина: В 2 т. Т. 2. Публицистика*, С.-Петербург, 1898, 106–142.

Катков 1897

Катков М. Н., *Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1866 год*, Москва, 1897.

Лесков 1958

Лесков Н. С., Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому («Война и мир». Соч. гр. Л.Н. Толстого, т. V, 1869 г.), *Idem, Собр. соч.: В 11 т.*, 10, Москва, 1958, 97–150.

Московские Ведомости 1866

Из частного письма, *Московские Ведомости*, 1866, 16 апреля, №80.

Самарин 1997

Самарин Ю. Ф., <На чем основана и чем определяется верховная власть в России>, *Idem, Статьи. Воспоминания. Письма, 1840–1876*, Москва, 1997, 59–68.

Толстой 1936

Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 8, Москва, 1936.

- 1953a
Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 14, Москва, 1953.
- 1953б
Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 61, Москва, 1953.
- 1955
Толстой Л. Н., *Полн. собр. соч.: В 90 т.*, 16, Москва, 1955.
- 1980
Толстой Л. Н., *Собр. соч.: В 22 т.*, 6, Москва, 1980.
- Чичерин 1862
Чичерин Б., *Несколько современных вопросов*, Москва, 1862.
- 1866
Чичерин Б., *О народном представительстве*, Москва, 1866.

Литература

- Архипова 2008
Архипова Е. А., Земский собор как феномен политического дискурса середины XIX в., *Вестник РГГУ, Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки»*, 2008, 1/08, 186–201.
- Бадалян 2019
Бадалян Д. А. Понятие «Земский собор» в произведениях литературы и публицистики славянофилов, *Исторический опыт Земских соборов и систематизации законодательства в России: к 370-летию принятия Соборного Уложения и 470-летию созыва первого Земского Собора*, Дунаева Н. В., ред. (= Серия «Историческое правоведение», 7), С.-Петербург, 2019, 121–139.
- Вацуру 2000
Вацуру В. Э., Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов, *Idem, Пушкинская пора*, С.-Петербург, 2000, 559–603.
- Гусев 1957
Гусев Н. Н., *Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год*, Москва, 1957.
- Зайденшнур 1966
Зайденшнур Э. Е., «Война и мир» Л.Н. Толстого. Создание великой книги, Москва, 1966.
- Зорин 2001
Зорин А., *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века*, Москва, 2001.
- Киселева 1997
Киселева Л. Н., Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет), *Лотмановский сборник*, 2, Москва, 1997, 279–302.
- Китаев 1972
Китаев В. А., *От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50–60-х г. XIX в.*, Москва, 1972.
- Концепт отечество 2012
Война 1812 и концепт «отечество»: из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России, Строганов М. В., ред., Тверь, 2012.
- Красносельская 2019
Красносельская Ю. И., «Тень» К. С. Аксакова в полемике Л. Н. Толстого с панславистами 1877 г., *Складчина: сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева*, Москва, 2019, 137–157.

- 2020
Красносельская Ю. И., Война как выборы, выборы как война: Модели представительства в «Войне и мире» и «Анне Карениной» Л.Н. Толстого, *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2020, 5, 125–140.
- Майорова 1999
Майорова О., Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи, *РОССИЯ / RUSSIA, 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия XVIII — начало XX века*, Москва, 1999, 204–232.
- Серман 1969
Серман И. З., Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов, *Пушкин: Исследования и материалы*, 6. Реализм Пушкина и литература его времени, Ленинград, 1969, 118–149.
- Твардовская 1978
Твардовская В. А., *Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания)*, Москва, 1978.
- Уортман 2002
Уортман Р. С., *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т., 1*, Москва, 2002.
- 2004
Уортман Р. С., *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т., 2*, Москва, 2004.
- Фойер 2002
Фойер К. Б., *Генезис «Войны и мира»*, С.-Петербург, 2002.
- Христофоров 2016
Христофоров И. А., Великие реформы: Истоки, контекст, результаты, *Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4 т., 3. Вторая половина XIX — начало XX в.*, Шелохаев В. В., ред., Москва, 2016, 14–183.
- Чернуха 1978
Чернуха В. Г., *Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.*, Ленинград, 1978.
- Эйхенбаум 2009
Эйхенбаум Б. М., *Лев Толстой: Исследования. Статьи*, С.-Петербург, 2009.
- Fusso 2017
Fusso S., *Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy: Mikhail Katkov and the great Russian novel*, DeKalb, IL, 2017.
- Kolstø 2005
Kolstø P., Power as Burden: The Slavophile Concept of the State and Lev Tolstoy, *The Russian Review*, 2005, 4/64, 559–574.
- Maiorova 2010
Maiorova O., *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870*, Madison, WI, 2010.
- Wortman 2012
Wortman R. S., 1812 in the Evocations of Imperial Myth, *Revue des études slaves*, 4/83, 2012, 1091–1105.

References

Arkipova E. A., Zemsky Sobor as a Phenomenon of Political Discourse in the Middle of the XIXth Century, *RGU Bulletin. Series Political Science. Social and Communicative Studies*, 2008, 1/08, 186–201.

Badalian D. A., Zemsky Sobor in the 19th and the beginning of the 20th century: history of the concept, *Zemsky Sobor and Systematization of Russian Law in the Historical Retrospection: to the 370th Anniversary of the Council Code of 1649 and 470th Anniversary*

of the *First Zemsky Sobor*, Dunaeva N. V., ed., St. Petersburg, 2019, 121–139.

Chernukha V. G., *Vnutrenniaia politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh gg. XIX v.*, Leninograd, 1978.

Eikhensbaum B. M., *Lev Tolstoi: Issledovaniia. Stat'i*. St. Petersburg, 2009.

Feuer K. B., *Tolstoy and the Genesis of "War and Peace"*, St. Petersburg, 2002.

Fusso S., *Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy: Mikhail Katkov and the great Russian novel*, DeKalb, IL, 2017.

Gusev N. N., *Lev Nikolaevich Tolstoi: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god*, Moscow, 1957.

Kiseleva L. N., Stanovlenie russkoi natsional'noi mifologii v nikolaevskuiu epokhu (susaninskii suzhet), *Lotmanovskii sbornik*, 2, Moscow, 1997, 279–302.

Kitaev V. A., *Ot frondy k okhranitel'stvu: Iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50–60-kh g. XIX v.*, Moscow, 1972.

Khristorov I. A., Velikie reformy: Istoki, kontekst, rezul'taty, *Reformy v Rossii. S drevneishikh vremen do kontsa XX v.*, 3. Vtoraia polovina XIX — nachalo XX v., Shelokhaev V. V., ed., Moscow, 2016, 14–183.

Kolstø P., Power as Burden: The Slavophile Concept of the State and Lev Tolstoy, *The Russian Review*, 2005, 4/64, 559–574.

Krasnoselskaya Yu. I., "Ten" K. S. Aksakova v polemike L. N. Tolstogo s panslavistami 1877 g., Skladchina: sbornik statei k 50-letiiu professora M. S. Makeeva, Moscow, 2019, 137–157

Krasnoselskaya Yu. I., War as Elections, Elections as War: Public Representation in Leo Tolstoy's *War and Peace* and Anna Karenina, *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 2020, 5, 125–140.

Maierova O., Tsarevich-samozvanets v sotsial'noi mifologii poreformennoi epokhi, *ROSSIA / RUSSIA*, 3 (11): *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. Rossiia XVIII — nachalo XX veka*, Moscow, 1999, 204–232.

Maierova O., *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870*, Madison, WI, 2010.

Serman I. Z., Pushkin i russkaia istoricheskaia drama 1830-kh godov, *Pushkin: Issledovaniia i materialy*, 6. *Realizm Pushkina i literatura ego vremeni*, Leningrad, 1969, 118–149.

Stroganov M. V., ed., *Voina 1812 i kontsept "otchestvo": iz istorii osmysleniia gosudarstvennoi i natsional'noi identichnosti v Rossii*, Tver, 2012.

Tvardovskaya V. A., Ideologiya poreformennogo samoderzhavii (M. N. Katkov i ego izdaniia), Moscow, 1978.

Vatsuro V. E., Istoricheskaia tragediia i romanticheskaia drama 1830-kh godov, *Idem, Pushkinskaia pora*, St. Petersburg, 2000, 559–603.

Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*, 1, Moscow, 2002.

Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*, 2, Moscow, 2004.

Wortman R. S., 1812 in the Evocations of Imperial Myth, *Revue des études slaves*, 4/83, 2012, 1091–1105.

Zaidenshnur E. E., "Voina i mir" L. N. Tolstogo. Sozdanie velikoi knigi, Moscow, 1966.

Zorin A., *Feeding the Two-headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – first third of the 19th century*, Moscow, 2001.

Юлия Игоревна Красносельская, кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские Горы, 1-й учебный корпус
Россия / Russia
jullkra@yandex.ru

Received December 25, 2020